

Жили-были в канун революции три юноши. Двое из них — совсем розовые, а третий носил такую густую черную бороду, что в его девятнадцать ему давали все тридцать.

Сын богатого промышленника, столичный интеллигент. Правый эсер. Писал стихи. За участие в убийстве Урицкого расстрелян в 1918 году.

Сын приказчика. Левый эсер. Дружил с поэтами. Убийца посла Германии графа Мирбаха. За нелегальную связь с Троцким в бытность сотрудником ГПУ расстрелян в 1929 году.

Сын крестьянина Рязанской губернии. «Работал с эсерами не как партийный, а как поэт». Известный литературный критик Р.В. Иванов-Разумник в 1917 году писал о нем Андрею Белому: «Российский мальчик (и откуда что берется); пройдя через большие страдания, быть может, и до Клюева дорастет. Кое в чем он уже теперь равен ему... Обстоятельства гибели до сих пор не выяснены до конца.

У нас нет желания отыскивать пятна в биографии Есенина, как нет и намерения лакировать ее. Мы не ставим себе задачу ввести диссонансную ноту в умильный юбилейный хор. Единственная наша цель — понять Сергея Есенина как человека своего времени, со всеми присущими ему и этому времени противоречиями. Такими, например, как эта странная, на первый взгляд, дружба.

«Эстет, поэт, пушкинианец»

«Откуда что берется», — впрочем, можно было сказать и о двух других юношах.

«Самый петербургский петербуржец» (по выражению поэта Г. Адамовича) Леонид Каннегисер родился в марте 1896 г. в семье известного инженера-механика, стоявшего во главе крупнейших в России Николаевских судостроительных верфей. Переселившись в Петербург, Каннегисер-отец по сути дела возглавил руководство металлургической отраслью страны, а его дом в Саперном переулке стал местом встреч административной элиты и столичных знаменитостей. Благополучный мальчик из состоятельной семьи окончил частную гимназию Гуревича и в последний предвоенный год поступил на экономическое отделение Политехнического института. С Есениным, приехавшим из Москвы в Петербург в марте 1915 г., Каннегисер, по всей видимости, познакомился на одном из редакционных вечеров журнала «Северные записки», издательницей которого была тетя Леонида. До революции было еще так далеко — и никто бы не разглядел «человека, который убил Урицкого» (Г. Иванов), в «изнеженном, женственном юноше... эстете, поэте, пушкинианце» (М. Цветаева).

Из воспоминаний Марины Цветаевой...

«Леня, Есенин. Неразрывные, неразрывные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через все и вся — поэты... Лёнина черная головная глэд, Есенинская сплошная кудря, курча. Есенинские васьки, Лёнины карие мундалин. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовольствие, как от редкой и полной рифмы...»

И в любви, и в ненависти Цветаева всегда пристрастна. Однако в данном случае невозможно ей не верить, сопоставляя строки из «Нездешнего вечера» с одним из писем Каннегисера Есенину: «...Вот уже почти 10 дней, как мы расстались... Очень мне у вас было хорошо! И за это вам — большое спасибо! Через какую деревню или село я теперь бы ни проходил (я бываю за городом) — мне всегда вспоминается Константиново...»

И еще такое:

«Милый Сережа! Мне ужасно хочется поскорее тебя увидеть и пока получить хоть письмо. Только смотри, не заставляй меня долго ждать. Целую тебя. Твой Леня Каннегисер».

Писалось это летом 1915 года, когда интеллигентный мальчик чуть ли не впервые увидел воочию русскую деревню (гораздо раньше этот «народник» узнал и полюбил Италию).

Причудлива предреволюционная эпоха. Есенин и Каннегисер общались с Германом Лопатиным и Верой Фигнер, ездили в рязанскую деревню и... читали лирические стихи в высшем свете. Ольга Гильдебрандт-Арбенина, работая в Эрмитаже, обнаруживала стихи Каннегисера (наряду с военными стихами Гумилева) в личной библиотеке Николая П. «В 1916 году я был призван на военную службу, — писал в автобиографии Есенин, — При некотором покровительстве полковника Ломана, адъютанта императрицы, был представлен ко многим льготам <...> По просьбе Ломана однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия».

Это — с одной стороны, а с другой... Есенин, уже после революции, рассказывал литературоведу И. Розанову: «Живя в Петербурге в 1915–1917 гг., я многое себе уяснил... Иванов-Разумник поддерживал во мне революционное настроение во время войны». С Мариенгофом Есенин откровенничал: «Уж, уж и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусами!..»

«Что ответить тебе на твои выпады против всех нас, петербуржцев? — недоумевал Каннегисер. — Прежде всего, дорогой мой, вообще нас нехорошо прилагать к огульным характеристикам... А что касается упреков лично мне — все принимаю». Знакомые писали о двойственности эстета-террориста. Такая же двойственная натура была и у Есенина. Может быть, это их и сблизило?

«Скифы» — так именovali себя несколько левонастроенных интеллигентов во главе с Ивановым-Разумником. Так же назывались и литературные альманахи, в котором участвовали А. Белый, Н. Клюев, С. Есенин, и куда — в виде манифеста — предназначалось знаменитое стихотворение Блока... «Скифы» ратовали за мировую революцию и за немедленный конец «империалистической бойни», откровенно тяготея к левым эсе-

Общая рау. -1995-
5 окт. -с. 10.

Ч И С Л Е Н Н И К

Три товарища

рам, а «правый» эсер Каннегисер являлся «оборонцем».

Февраль 1917-го открыл евреям доступ в военные училища. В конце октября, после яростных боев юнкеров с красногвардейцами, Зинаида Гиппиус записала в дневнике о гибели полусотни юнкеров-евреев. А за три месяца до того новоиспеченный юнкер Михайловского артиллерийского училища Леонид Каннегисер написал такие восторженные стихотворные строчки: «В предсмертном и радостном сне / Я вспомню — Россия, свобода, / Керенский на белом коне». В роковую ночь с 25 на 26 октября вместе с несколькими другими романтиками мужского и женского пола Каннегисер пошел защищать Временное правительство.

Есенин, напротив, «в революцию по-кинул самостоятельно армией Керенского» и проживал в пустынной местности. Через Иванов-Разумника он познакомился с Зинаидой Райх, вскоре ставшей его женой. Райх в то время работала техническим секретарем редакции газеты «Дело Народа» (центрального органа этой партии), являлась председателем Общества распространения эсеровской литературы. «При расколе <партии эсеров>», — писал о себе Есенин в автобиографии 1923 года, — пошел с левой группой и в октябре был в их боевой дружине. Но то обстоятельство, что в момент выстрела «Авроры» Есенин находился в Москве, избавило его от возможной встречи с бывшим другом в Зимнем Дворце — по разные стороны баррикад...

«Романтик революции»

Из воспоминаний Виктора Сержа, французского писателя и коминтерновца:

«Я знал Якова Григорьевича Блюмкина с 1919 года и любил его. Его невероятно худое, мужественное лицо обрамляла густая черная борода, темные глаза были тверды и непоколебимы. Блюмкин жил тогда в ледяной неотапливаемой комнате в «Метрополе», рядом с комнатой Чичерина. Оправившись от перенесенной болезни, он готовился к руководству деятельностью спецслужб на Востоке».

Знаменитый убийца германского посла графа Мирбаха Симха-Яков Гершев Блюмкин родился в 1898 г. в семье торговцев. Окончил 4-классную еврейскую школу (Талмуд-тору) в Одессе, работал посыльным в магазинах и конторах. Затем учился в техническом училище и, по данным наружного наблюдения Департамента полиции, контактировал с одесской группой анархистов-коммунистов. В 1917 году он присоединился к левым эсерам и был ими направлен в Поволжье, где 18-летнего юношу избрали членом Симбирского Совета крестьянских депутатов.

В послеоктябрьский период Блюмкин вернулся в Одессу, поступил в Добровольческий «железный отряд» и был выбран его командиром. «Железный отряд» составлял главную ударную силу 3-й Советской Украинской армии, сражавшейся на Румынском фронте (на территории современной Приднестровской республики).

Военная карьера Блюмкина — блестяща и молниеносна: член Военного Совета, начальник Информационного (разведывательного) отдела, помощник начштаба армии. После расформирования армии Блюмкин приехал в Москву, где служил в охране ЦК партии левых эсеров.

По рекомендации товарищей по партии, он был принят на работу в ВЧК на должность заведующего отделением по борьбе с международным шпионажем и фактически, в неполные 20 лет, стал ролончальником советской контрразведки.

Дальнейших событий: левозероверской авантюры 6 июля, бегства Блюмкина из Москвы и его «одиссеи» на Украине, где он, скрываясь под псевдонимом Григорий Вишневский, собирался убить гетмана П.П. Скоропадского и бороться с петлюровцами, — мы здесь касаться не будем. Явившись с повинной в Украинскую ЧК в апреле 1919-го к своему бывшему начальнику Мартину Лаису, Блюмкин 16 мая того же года был амнистирован Президиумом ВЦИК.

Террорист Блюмкин, подобно боготворимому им «мэтру» эсеровских боевиков Борису Савинкову, не был чужд изысканности искусств (три его брата, кстати, тоже были литераторами). Н. Гумилев, в написанном незадолго до расстрела стихотворе-

нии «Мои читатели», изъяснял гордость от знакомства с Блюмкиным:

Человек, среди толпы народа,
Застревший императорского посла,
Подожел пожаты мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Известно и о других исторических знакомствах. К примеру, Александр Блок в записной книжке 20 октября 1918 года писал: «Приходил Мандельштам... Интересен рассказ об

повис на его поднятой руке. «При социалистической революции хамов надо убивать! — сказал Блюмкин, обрызгивая нас слюнями. — Иначе ничего не выйдет. Революция погибнет».

«Иначе ничего не выйдет» — увы, это и есенинский девиз на пути к славе.

«Горел. Сгорал.

Жег жизнь с двух концов...»

В. Шершеневич вспоминает, что, когда у поэта-имажиниста Сандро Кусикова в квартире освободилась комната, Блюмкин получил туда ордер. До этого он, не имевший собственной жилплощади, жил в гостинице «Савой». Именно этот адрес указан на поручительствах Блюмкина за Сергея Есенина и братьев Кусиковых — Александра и Рубена, арестованных МЧК по ложному доносу в ночь с 19 на 20 октября 1920 г. на квартире в Большом Афанасьевском переулке, д. 30, кв. 5. Занимая

м у ю Блюмкины маленькую комнату, где перекрещенные сабли висели над бутылками превосходного вина, и его самого — обернутого пледом, на роскошном стуле, подаренном монгольским принцем, — описывает в своих воспоминаниях В. Серж. Бывший помощник Сталина Б. Бажанов, бежавший за границу, запомнил Блюмкина в шелковом красном халате, с длинным восточным чубуком «в аршин длины».

Не раз Блюмкин просил Есенина и друзей-имажинистов проводить его домой по дороге ночью из кафе. Он панически боялся левозероверских боевиков: бывшие собраты-эсеры считали его провокатором — они трижды посягали на его жизнь и однажды тяжело ранили. Периодически Блюмкин уезжал из Москвы — сначала на Южный фронт, где после беседы со Сталиным возглавлял разведку и контрразведку 13-й армии, затем в Северный Иран — в качестве участника Энзелийского десанта под командованием Ф. Раскольникова. Он стал членом ЦК компартии Ирана и вдохновителем коммунистического переворота в Гиляне, в результате которого была провозглашена Гилянская Советская республика. Позже занимался ликвидацией антисоветских движений в Грузии и Чечне. Свои «командировки» совмещал с учебой на восточном от-

Москве, из-за трудностей с изданием своих произведений, у поэтов в те годы в самом расцвете был так называемый «кафейный» период. Члены Союза поэтов собирались в «Кафе поэтов» (бывшем «Домино»), имажинисты открыли свое «Стойло Пегаса».

Из воспоминаний поэта Вадима Шершеневича: «Однажды в кафе появился человек с побитыми зубами. Он озирался и пугливо сторожил уши на каждый шум. Если кто-нибудь сзади него резко вставал, человек немедленно вскакивал и опускал руку в карман, где торпачился наган. Успокоился, только сев в самый угол.

С тех пор он зачастил в кафе. Это был Блюмкин...»

«Романтик революции» (выражение В. Шершеневича) стал близок к имажинистам. Его подпись стоит под текстом устава «Ассоциации вольнодумцев», имевшей своей целью «духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции». Иногда он даже сам вел поэтические вечера. Борис Лавреневу запомнился один такой вечер. За столиками сидели матросы-анархисты, не выпускавшие из рук винтовок и разливавшие из чайников под видом чая подкрашенный спирт. Когда на эстраду выскочил какой-то исполнитель шансонеток, «раздался оглушительный удар, словно выстрел из крупнокалиберного пистолета... Оказалось, что это Маяковский грохнул кулаком по столу. Встав во весь рост, он во всю мощь своего голоса крикнул:

— Хватит!.. Уберите эту сволочь!

Вспыхнул скандал. Часть матросов поддержала Маяковского аплодисментами, другие полезли в бутылку. Начался ор и ругань. Мелькали револьверы, с поясов снимались гранаты.

Блюмкин орал с эстрады Маяковскому:

— Вы думаете, Маяковский, что ваши стихи понятны матросам? Им гораздо ближе эта песня!»

Сергей Есенин и Яков Блюмкин познакомились, по всей видимости, в Москве весной 1918 года, во время съезда партии левых эсеров. Что могло их связывать? Владислав Ходасевич считал, что Есенина влекла к Блюмкину его любовь ко всем крайностям, какими бы они ни были. Секретарю «Ассоциации вольнодумцев» М. Ройзману крепко врезались в память такие слова чекиста, обращенные к Есенину: «Я — террорист в политике, а ты, друг, террорист в поэзии!»

Анатолий Мариенгоф описал еще один скандал в «Кафе поэтов», произошедший на этот раз по вине самого Блюмкина. «Как-то в «Кафе поэтов» молодой мейерхольдовский актер Игорь Ильинский вытер старой плюшевой портьерой свои запылившиеся полуботинки... «Хам!» — заорал Блюмкин. И мгновенно вытащив из кармана здоровенный браунинг, направил его черное дуло на злобозаветного артиста. — «Молись, хам, если веруешь!»... К счастью, мы с Есениным оказались поблизости. — «Ты что, опупел, Яшка?»... Есенин

Москве, из-за трудностей с изданием своих произведений, у поэтов в те годы в самом расцвете был так называемый «кафейный» период. Члены Союза поэтов собирались в «Кафе поэтов» (бывшем «Домино»), имажинисты открыли свое «Стойло Пегаса».

Из воспоминаний поэта Вадима Шершеневича: «Однажды в кафе появился человек с побитыми зубами. Он озирался и пугливо сторожил уши на каждый шум. Если кто-нибудь сзади него резко вставал, человек немедленно вскакивал и опускал руку в карман, где торпачился наган. Успокоился, только сев в самый угол.

С тех пор он зачастил в кафе. Это был Блюмкин...»

«Романтик революции» (выражение В. Шершеневича) стал близок к имажинистам. Его подпись стоит под текстом устава «Ассоциации вольнодумцев», имевшей своей целью «духовно-экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции». Иногда он даже сам вел поэтические вечера. Борис Лавреневу запомнился один такой вечер. За столиками сидели матросы-анархисты, не выпускавшие из рук винтовок и разливавшие из чайников под видом чая подкрашенный спирт. Когда на эстраду выскочил какой-то исполнитель шансонеток, «раздался оглушительный удар, словно выстрел из крупнокалиберного пистолета... Оказалось, что это Маяковский грохнул кулаком по столу. Встав во весь рост, он во всю мощь своего голоса крикнул:

— Хватит!.. Уберите эту сволочь!

Вспыхнул скандал. Часть матросов поддержала Маяковского аплодисментами, другие полезли в бутылку. Начался ор и ругань. Мелькали револьверы, с поясов снимались гранаты.

Блюмкин орал с эстрады Маяковскому:

— Вы думаете, Маяковский, что ваши стихи понятны матросам? Им гораздо ближе эта песня!»

Сергей Есенин и Яков Блюмкин познакомились, по всей видимости, в Москве весной 1918 года, во время съезда партии левых эсеров. Что могло их связывать? Владислав Ходасевич считал, что Есенина влекла к Блюмкину его любовь ко всем крайностям, какими бы они ни были. Секретарю «Ассоциации вольнодумцев» М. Ройзману крепко врезались в память такие слова чекиста, обращенные к Есенину: «Я — террорист в политике, а ты, друг, террорист в поэзии!»

Анатолий Мариенгоф описал еще один скандал в «Кафе поэтов», произошедший на этот раз по вине самого Блюмкина. «Как-то в «Кафе поэтов» молодой мейерхольдовский актер Игорь Ильинский вытер старой плюшевой портьерой свои запылившиеся полуботинки... «Хам!» — заорал Блюмкин. И мгновенно вытащив из кармана здоровенный браунинг, направил его черное дуло на злобозаветного артиста. — «Молись, хам, если веруешь!»... К счастью, мы с Есениным оказались поблизости. — «Ты что, опупел, Яшка?»... Есенин

делении Академии Генштаба.

С последнего курса академии его откомандировали в секретариат Троцкого.

Из книги Валентина Катаева «Уже написан Вертер»:

«До революции он был нищим подростком, служившим в книжном магазине, где среди бумажной пыли, по ночам, при свете огарка, в подвале запером читал исторические романы и бредил гильотиной и Робеспьером. Теперь его богом был Троцкий, провозгласивший перманентную революцию».

Неужели и таким его принимал Есенин?

Как это не покажется неприятным — принимал.

Ведь и сам поэт кичился своей «левизной». В Берлине он шокировал эмигрантскую и буржуазную публику проением «Интернационала» и, отвечая на вопросы прессы, заявлял: в РКП/б/ никогда не состоял, «потому что чувствую себя гораздо левее».

Наиболее точны в оценке того, что восхищало поэта в левых, слова В. Шершеневича: «Есенин — потомок Пугачева — был родным дитячем эпохи военного коммунизма, с его взлетами и падениями, с его героикой и самогоном».

Впрочем, после возвращения из-за границы в 1923 году, Есенин резко порвал с имажинистами и снова сблизился с «новокрестьянскими» писателями, котевшими, как и он, сохранить свое лицо. Тогда же произошел и его разрыв с Блюмкиным.

Впоследствии «романтический» чекист продолжал поддерживать тесные отношения с литературными кругами, навещал Маяковского, Горюшко и даже помирился с Мандельштамом.

Что касается его мнимого участия в трагической смерти Есенина, о котором в последнее время в печати немало пересудов, то документы, выявленные историком О. Шишкиным, позволяют отвести это предположение. В конце 1925 года Блюмкин находился со спецзаданием в Китае. Но уж, конечно, он обладал большей информацией, нежели сегодняшние исследователи, о событиях в «Англетере». Поделился ли он с кем-нибудь своей версией о смерти поэта, дружба с которым в свое время ему так льстила, еще предстоит выяснить. Бессспорно, что эта версия будет действительно сенсационной...

Подлинный же и бескорыстный друг, Иванов-Разумник, в доселе никогда не публиковавшемся письме Михаилу Пришвину от 14 января 1926 года, высказался горько и пророчески:

«... Смерть Сережи Есенина выбила совсем из колеи... И теперь не могу опомниться — и все вспоминаю тихого голубоглазого мальчика с детской улыбкой, что ни день приходившего ко мне десять лет назад читать свои стихи. В 1917, в 1918 году он горел, с 1919 — сгорал, жег жизнь с двух концов, и конечно от того, что был не хуже, а лучше нас. Травили его все, кому не лень, а вот теперь провозгласили последним национальным поэтом, уличу в Москве называют его именем. Очень все это ему нужно!»

Очень все это ему нужно...

Сказано — как будто не об одном Есенине, но и о Гумилеве, Маяковском, Цветаевой, Клюеве, Мандельштаме. Каждый из них летел, как бабочка на свечу, на пламя, которым полыхала эпоха. Кому-то этот огонь казался Неопалимой купиной, кому-то — преисподней. Но никто из них не в силах был резко изменить траекторию полета. «Очень все это ему нужно!» — было тем, что и называется судьбой поэта.

Ярослав ЛЕОНТЬЕВ

Выражаю признательность за помощь в подготовке материала сотрудникам архива ФСБ и С.В. Шумихину (РГАН).

АРХИВ

Превращение и прощание

АВТОБИОГРАФИЯ т. ЕСЕНИНА

«И возвратятся псы на блевотину свою».

«Я советский наглый «рыжий»
С красной пробкой в голове.
Пил в Берлине, пил в Париже,
А теперь блюю в Москве».

Саша ЧЕРНЫЙ
1924

В будущей антологии сатиры комментарий к этой, до сих пор не публиковавшейся на родине, эпиграмме Саши Черного займет немного места. «И возвратятся псы...» — цитата из Библии, намек на книгу «Москва кабацкая» (1924). «Рыжий» — здесь: клоун. Впервые: «Русская газета», Париж, 2 ноября 1924 г. Вот и все.

Но в нынешние юбилейные дни эти четыре хлесткие строки читаются в контексте обширной темы: «Есенин и русское зарубежье».

Есенинская магия для читателей-изгнанников ослаблена была политическими декларациями, сделанными в «урагане»: «Небо — как колокол, месяц — язык, мать моя — родина, я — большевик» («Иорданская голубица», 1918) и т.п. Равно как и красочными байками о его семейной путанице, бытовых скандалах, связях с ЧК. Все это учтено чутким Сашей Черным, которому «большевиизм надуел, как застарелая грыжа» («Обратное действие», 1925).

Антиесенинская эпиграмма Саши Черного появилась в цикле, где с той же резкостью было сказано о вернувшемся в СССР Андрее Белом: «Ради шаткой клички «гений» / Юсупов слепой талант / Хлещет бредом откровений / Пифиан-

ский спекулянт...» И о триумфальном Маяковском: «Смесь рашника с частушкой, / Барабана с пьяной пушкой...» И — гораздо резче — о Демьяне Бедном: «Семь лет демьяновской ухой, / Из красной рыбы, слопш протухнутой, / Он кормит чернь в стране глухой, / Макая в кровь язык опухший...» Злые эпиграммы эмиграции рождались среди проклятий, посылаемых в адрес писателей-эмигрантов с советской стороны.

Через год с небольшим Есенина не стало. Когда человек умирает, изменяются его портреты. В 1926-м Саше Черному подобной эпиграммы уже бы не написать. И не только потому, что о мертвых — или хорошеет, или ничего.

Знакомцем и пристальным читателем Есенина был Владислав Ходасевич (он оказал на Есенина некоторое литературное влияние). С Есенина начал Ходасевич статью о судьбах русских поэтов — «Кровавая пища» (1926). А в другой статье того же года написал: «Была эпоха октября и военного коммунизма, соблазняя многих <...> романтической мечтой о великом сдвиге, о новой правде, словом, — о тех «Иониях», которые разными людьми по-разному назывались. Такими соблазненными были Блок, Есенин, еще кое-кто. Все в разной мере за свой соблазн платились (Блок и Есенин — смертью)». Сушая метаморфоза. Покончив с собой, Есенин из большевистского пьяного клоуна мгновенно превратился в жертву.

«За что русская эмиграция все ему простила?» — повторял с возмущением Иван Бунин, цитируя про «эру новую, которая не фунт изюму вам».

То, что простила, он не оспаривал.

Владимир ПРИХОДЬКО